

Метка Агафии

Xiera Junior

Метка Агафии

«Автор»

2026

Junior X.

Метка Агафии / X. Junior — «Автор», 2026

Карпаты, XIII век. Говорят, в лесах между горами ходит тот, кого не видят днём и не дожидаются ночью. Он не служит королям и не продаёт меч. Он приходит, когда две армии готовятся к бою, узнаёт правду — и той ночью одна из них исчезает, словно её никогда не было. Никто не знает его лица. Никто не знает его имени. Но на теле каждого вождя, который оказался неправ, остаётся один и тот же знак: буква, вырезанная так ровно, будто её ковал не кинжал, а сама справедливость.

© Junior X., 2026

© Автор, 2026

Xiera Junior

Метка Агафии

Глава I

Железо

XIII век, 1241 год, Карпаты, Венгерское королевство, деревня у замка Венцеслава.

Молот Мирослава падал на наковальню с такой силой, что искры летели в темноту кузницы, как мелкие звезды, рождающиеся и умирающие в одно мгновение.

У стены, где воздух был горячим и тяжёлым от дыма, сидел на корточках его сын Мариус и точил клинок. Отец выковал его три зимы назад, когда юноша ещё не знал, что железо умеет петь.

За дверью шёл мокрый снег — апрель в Карпатах никогда не торопился с весной. Из-за порога донёлся топот сапог: мать Агафия несла ведро воды из колодца.

«Ты снова забыл уголь», — сказала она, но не сердилась. Парень знал, что она улыбается, хотя в полумраке не видел лица.

Мирослав не отвечал — никогда не отвечал, когда работал. Молот продолжал падать, рождая из бесформенного куска металла нечто, что ещё не знало своего имени.

Мариус поднял глаза. Широкие плечи отца согнуты над горном, руки в шрамах от ожогов, лицо словно высечено из того же камня, что и гора за рекой.

«Меч для барона Венцеслава», — внезапно произнёс Мирослав. Молот замер в воздухе, и в кузнице стало так тихо, что слышно было, как капает вода с крыши.

Сын кузнеца кивнул — он знал, что это значит. Если меч понравится, отец получит землю. А земля у отца — значит, земля и у него, когда придёт время.

«Помоги мне», — сказал Мирослав. Это была не просьба. Так отец называл любовь, которую не умел произносить вслух.

Мариус подошёл к горну. Жар обжёг лицо, но он не отступил — отступать от жара значило отступать от всего, чему его учили с семи лет.

Мать положила ведро в угол и подошла к ним. Пахло травами, которыми она лечила деревенских детей от кашля. Этот запах всегда означал, что мир ещё не сломался.

«Барон придет через месяц», — сказала Агафия голосом, тихим, как шелест буквых листьев в лесу. Там Мариус крался прошлым летом, чтобы стрелять из самодельного лука по мишеням из мха.

Мирослав кивнул, молот снова упал. Юноша понял: отец не спит уже три ночи. По утрам мать находила его у погасшего горна, с мечом на коленях.

«Я хочу научиться», — сказал он. Речь шла не про меч — ножи и подковы он ковать умел. Речь шла о том, как заставить железо слушаться, как собаку, что знает хозяина по запаху.

«Ты научишься», — ответил Мирослав. Впервые за вечер он посмотрел на сына, и Мариус увидел в его глазах не усталость, а огонь страшнее жара горна.

За окном проехал всадник — баронский гонец, судя по цветам на плаще. Лошадь фыркнула, и юноша подумал: всадник даже не заметил кузницу, хотя дым из её трубы был виден за три версты.

«Почему он не поздоровался?» — спросил Мариус, когда стук копыт стих. Ответа не последовало: отец снова работал, а мать молча ушла в дом.

Но ответ он знал. Ещё в семь лет он заметил, как барон проезжал мимо деда, стоявшего сняв шапку, а тот даже не кивнул.

Для лорда кузница — просто дым, не нуждающийся в приветствии. Кузнец — руки, что делают по приказу, и рот, что молчит, когда велено молчать.

Молот упал в последний раз. Мирослав поднял заготовку к свету, и сын увидел, как металл отражает пламя. Похоже на глаз, ещё не решивший, будет ли смотреть с добротой или с гневом.

Мать позвала ужинать. В доме пахло хлебом и чесноком, и из-за стола доносилось напевание — колыбельная на том языке, которого отец никогда не учил Мариуса понимать.

Мирослав ел молча, но юноша заметил, как тот смотрел на Агафию, когда она пела. Не с любовью и не с ненавистью — с чем-то трудным, чего он ещё не умел назвать.

После ужина Мариус вышел на улицу. Снег превратился в мелкий дождь, бил по лицу иглами, но в дом не пошёл — в кузнице ещё горел свет, и он знал, кто там.

Он пошёл в лес, к месту, где прятал самодельный лук из ивовой ветви. Натянул тетиву, пустил стрелу в темноту, не видя мишени, но слыша удар о ствол бука.

«*Ты стреляешь лучше, чем куешь*», — раздалось за спиной. Обернулся: отец стоял под дождём без плаща, и в руке у него был тот самый клинок, что точили в кузнице.

«*Я учился*», — ответил он, ждал гнева. Лук — игры, кузница — жизнь. Но Мирослав лишь кивнул и протянул клинок.

«*Завтра покажешь*». Это было всё, но парень понял: отец не злился. И это было страшнее крика.

Шли домой вдвоём. Дождь стих, в лесу кричала сова. Мариус думал, что в этой деревне, у этого замка, в этих горах есть нечто, что он ещё не понимает, но уже чувствует под кожей.

Той ночью он долго не спал — лежал на соломе, глядя в темноту, и слышал, как родители шепчутся в соседней комнате. Слова неразборчивы, но голос матери был тих, а отца — всё громче.

«*Эх, опять ссорятся*», — подумал Мариус и заснул.

Утром кузница снова дымилась, он снова сидел у стены, молот снова падал. Теперь замечал: между ударами есть паузы, когда отец смотрит на меч. Паузы длиннее, чем вчера, и в них что-то росло.

Дни шли, апрель сдался маю, май принёс тепло, растопившее последний снег на склонах. Каждый вечер Мариус ходил в лес, и отец иногда шёл за ним, молча глядя, как летят стрелы.

Меч был почти готов — лезвие блестело, как лёд на реке в январе. Рукоять обтянута кожей из оленьей шкуры, выделанной им самим. На гарде Мирослав выгравировал вензель барона.

«*Завтра*», — сказал отец в последний вечер. Юноша увидел, как дрожат его руки, убирая инструменты. Впервые. И не знал, что это значит.

Ужинали молча. Агафия не пела, свет лучины был жёлтым и неподвижным. Казалось, в комнате есть что-то невидимое — тяжёлое, дышащее в углу.

Мариус лёг рано, но не спал. Слышал, как отец встал среди ночи и вышел. Подошёл к окну: Отец стоит в кузнице при свете свечи, меч лежит перед ним, и он смотрит на него, как на сына, которого потерял.

«*Он боится*», — подумал юноша. Неожиданно и больно. Отец, двадцать лет ковавший мечи, не мог бояться железа. Но боялся — боялся, что барон скажет «нет».

Он вернулся к соломе, лежал с открытыми глазами. Думал о земле, что обещали, о доме, что построят, о своих мечях, о сыне, что будет точить клинок у стены.

Думал до рассвета. Когда солнце встало над горами, залил кузницу розовым светом, послышались копыта — много копыт, глухой перестук по мокрой от дождя земле, и звук был таким близким, что Мариус выбежал на улицу босиком, забыв и про сапоги, и про плащ.

К замку поднималась свита. Впереди — трое гонцов в серых плащах с вензелем Венцеслава, потом четверо всадников в кольчугах, с алебардами наперевес. За ними — конь вороной масти, и на нём сам барон, в золотом шлеме, с меховой накидкой на плечах, такой яркий, что розовый рассвет побледнел рядом с ним. Мариус никогда не видел столько золота в одном месте.

Мирослав стоял в дверях кузницы, в лучшей рубаше — той самой, что Агафия выстирала вчера и высушила у печи. В руках — меч, завернутый в бархат. Отец выпрямился. Плечи

стали шире. Он смотрел на приближающихся не как крестьянин, а как человек, который что-то имеет.

— Стоять, — скомандовал один из гонцов, спешившись. — Кто ты, что держишь дорогу?

— Мирослав Кузнец, — ответил отец, и голос его был ровным, хотя Мариус заметил, как дрожит бархат на мече. — С мечом для господина барона.

Гонец кивнул и отступил в сторону. Барон Венцеслав спешился сам, передав поводья оруженосцу, и подошёл ближе. Был он моложе, чем Мариус ожидал — лет тридцати пяти, сухой, с острым носом и глазами цвета перегоревшей стали. На пальце — перстень с чёрным камнем, который поглощал свет.

— Покажи, — сказал барон. Не *«здравствуй»*, не *«спасибо»*. Просто — покажи.

Мирослав развернул бархат. Меч лёг на ткань, и утреннее солнце ударило по лезвию так, что Мариус прищурился. Барон взял клинок одной рукой, повернул, рассматривая гарду. Потом — быстрым движением, от которого охранники вздрогнули, — взмахнул. Воздух засвистел.

— Тяжёлый? — спросил барон.

— Три фунта и семь унций, господин, — ответил Мирослав. — Баланс на три пальца от гарды. Режет железо, не ломается о кольчугу.

Барон кивнул. Не улыбнулся, но Мариус заметил, как его веки приподнялись — на долю секунды, не больше. Он положил меч на ладонь, как весы, потом сжал рукоять и сделал ещё один взмах. Лезвие прорезало утренний воздух, и птицы в кустах у дороги вспорхнули.

— Хорошо, — сказал барон. И добавил, уже отходя к коню: — Земля — от реки до дубравы. Староста завтра принесёт пергамент.

Мирослав поклонился. Низко — так, что лоб почти коснулся колен. Когда он выпрямился, Мариус увидел на его лице не радость. Он увидел что-то особенное: словно отец стоял на краю пропасти, заглянул вниз — и обнаружил, что там не тьма, а земля.

Барон взобрался на коня, не глядя назад. Свита тронулась, копыта загремели по камням, и пыль, что поднялась за ними, была золотистой на розовом свете. Мирослав стоял и смотрел, пока последний всадник не скрылся за поворотом дороги. Потом повернулся к сыну.

— Завтра, — сказал он. — Завтра мы начнём новую жизнь.

Мариус кивнул. Но глядя на отца, он вдруг подумал, что меч, который уехал с бароном, был лишь железом. А то, что отец выковал в себе за эти месяцы — куда тяжелее и острее любого клинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.